

(Из фронтовых дневников ветерана войны Геннадия Борисовича ЧЕРЕПАНОВА.)

Этот день, 17 августа 1945 года, и буду помнить всю оставшуюся жизнь до самого смертного часа, который, возможно, уже где-то рядом. Мы не успели даже установить минометы, как "скрипачи" точно ударили по нам. В такое время твоя спина кажется огромной мишенью, хотя за эти годы и огонь от великих там мантраже. В пулеметной роте убило сержанта и двух солдат. Выходил из-под обстрела, цели бросались вперед. Захвачены в лесу штабные блиндажи, складские землянки и даже брошенные на позициях минометы, которые нам очень досаждали, но вскоре под напором контратакующих с танками, наши батальоны выуждены отходить. Мы открыли огонь из немецких минометов, у которых мои оказались много, но вскоре выуждены были сами отходить. Нас человек семь не захотели бежать и заскочили в блиндаж, где оказалось много фаустпатронов. С нами разлетелся артиллерист. Мы начали слушать немцев фаустпатронами, а артиллерист вызвал огонь батарей на себя. Этот обстрел многонакатного блиндажа разлетелся остатком живых немцев и, окрыленные таким оборотом дела, батальоны кинулись в атаку и потянули врага дальше. Сюда прибежали и наши минометчики, стыдливо прищипав глаза.

Теперь мы отбиваемся от немецких атак. Они просачиваются в каждую щель. Артиллерист скорректировал огонь, которая ударила точно по нам вместо немцев. Канарцев успел упасть в шель, а мою уже кто-то успел занять, и я растянулся рядом. Осколки свистят, чуть не задевая за позвоночник. Вот тогда-то и думаешь: укрой земля, мать родная, раба твоего Божьего... Артиллерист оборвался, зато второй налет был по немцам. Двух бой-

чат нас со слезами радости на глазах. Здесь не поют революционных песен, не бегут навстречу колонне, не преподносят быть может последнюю краюшку хлеба, не целуют со слезами радости на глазах, не подносят цветы. Здесь не показывают, где засели с пулеметом враги, не бросаются помочь вытащить повозку или пушку из грязи. Здесь не было такую случай, чтобы кто-нибудь вынес на дороге кружку молока или воды, или помог раненому добраться до медиков. Здесь мы встречаем только две "услуги", свиной и петависть.

26 апреля. После краткого ночного отдыха, на рассвете, покинув занатое село, полк устремился на запад. Командир полка с майором Шацман, в сопровождении разведчиков полка, верхами выехали вперед и за песчаным перевалом спешились, чтобы спешить по карте направление движения полка. С первыми лучами весеннего солнца, брызнувшим по кромке кучевых облаков, из леса вышла самоходка и выстрелила вдоль дороги. Снаряд разорвался у ног Шацмана. Исхронсанное тело упало на асфальт. Он стал шестом командира полка. Самоходка утонула в лес, а Локтионов, обхватив голову своего командира, не смог сдержать скорбный стон сердечной утраты. Дороже фронтовой дружбы, скрепленной тяжелыми испытаниями, нет ничего.

Встретившись с правым флангом Украинского фронта и освободив большое село, мы разошлись по разным дорогам: они влево, а мы вошли в горный лес, в направлении города Вендиш Бухгольц.

Здесь встретили много парней и девушек, угнанных в Германию из Украины. Их радости не было границ: обнимали нас, трогали за гимнастерки, не веря в свое освобождение.

27 апреля. Ночью проверил посты, Овчинников не спит, подгоняет хомуты для лошадей, захваченных в вечер-

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Продолжение. Нач. в № 21. Окончание следует.

церов полк потерял в этих боях, - сказал как бы в раздумье Локтионов. - Мы в ответе за них, а фрицев надо истребить беспощадно". "Ну что, старина, - спрашивает Шацман у Овчинникова. - Домой-то собираться?"

"Конечно, товарищ командир, страсть как по детям соскучился, - улыбаются в свои пыльные усы Овчинников. - Почитай, с сорок второго года не вылажу с передовой". "Не горюй, старик. еще раз долбанем и - порядок", - встал Николай Абрамов. Уставившись на

и посмотрел эту грозу и гордость немецкой армии.

24 апреля. На рассвете с перевала перед нами открылась большое село, где встретили сильное сопротивление. Мы ударили из минометов, цель батальона, вошел в село, залегла перед мостом. Перед первым танком взлетел мост, а самоходка, идущая следом, подорвалась на фугасе и заволокла с откоса в болото. Окутаный дымом и пылью, в трясину с саходкой улетел наш маленький снайпер Ларкинов, на

днях поймавший за свою охоту за

был убит. Моя плащпалатка и паланка оклеялись посечеными, а карту рубель выдросе. Дюжон, Каверзнев мата-тыв, что занял мою палатку, а ему что — смеется. Только Каверзнев, и к Букша хотели перекусить, как в тылу застрочило автоматическое оружие: наши потянулись прямо на нас, и они напорозлись на наш дружеский огонь. Даже наши раненые стреляли. Немало фашистов было побито, а двое пленных сообщили, что завтра на рассвете прибывшая немецкая часть и власовцы должны восстановить положение. По приказу командования, в полночь мы бесшумно покинули этот лес и через канал ушли направо, к месту стечку Миндон, где сосредоточились в лесу. И вот часа через три началось...

19 апреля На рассвете немецкая артиллерия обрушила сильный огоньвой налет по пустому месту и нехота выш-ли на канал. Наши оставшиеся бата-лионы в спешном порядке получают пополнение из необстрелянных и из батальонной выдворенной артиллерии. Командиром третьего батальона к нам пристали младшего лейтенанта Ройдита. Мне будет шального труднее с неопытными и боях командирами изводом «Ну, что теперь делать», — говорит Букша, — дер-жись, от тебя все зависит, мне ведь тоже, как на подбер, достается, не раз переполненные старики, да сдалась-та, как будто связь на войне — дело второстепенное». Во вторую выношу-ную роту, вместо Смоленцева, кото-рый командовал ею каких-то четыре дня, пришел из резерва, несколько раз раненый и награжденный капитан Журавлев. Командиром взвода сюда же вместо убитого на этих днях назначен старший лейтенант Михаил Торшков, с которым мы вместе учились в 1943 году в Минуринске.

20 апреля К вечеру, проверка состоя-ние батальонов, у нас побывали ко-мандир полка Николай Иванович Дю-жон и Яков Захарович Шацман, его замполит, а так же мой давний товарищ с Курско-Орловской битвы, теперь командир полка Николай Геор-гиевич Изжельков. «Нового бойцов и офи-

церов понаблюдать не было», — гово-рит Изжельков, — «Товарищ полков-ник, скажите, пожалуйста, вот закодированные с этими координатами, а по-сметать, отбегать, а вы скажите, куда. — А Дмитрий Зингерев встал: «Смо-ленцев много раз говорил, что покон-чим с этим, прямая дорога в Ваши-тон, чтобы навсегда покончить с этим смердящим капитализмом». Команди-ры ушли, а Изжельков задержался и спросил, как поживает ребята. Я рассе-зал. Да легко справа продолжает треметь канонада, где немецкие войска актив-но заходят Берлин.

21 апреля С утра ранней зарей потк вы-ступил справа по каналу, сбился с оче-редных рубежей немцев, активнейше-далеко в их оборону. Вперед погна-лись сильная стрельба: рота лейтенан-та Баранова оказалась опорный пункт немцев. Перезавла проследую доро-гу, мы вышли к каналу, канализация на северную окраину Минуринске. Про-тивоположный берег ответственности все-ми видами огня, при попытке остано-вить по бревнам через канал вывел первой роты был посечен. Установили перед каналом на переднем выноше-та, мы начали выкуривать немца.

22 апреля После ночной дождливости на монументов на рассвете на подмыш-ных духом немцев, по бревнам и валам, нехотели выскользнуть на тот берег и в рукопашной покончили с ними. Этот большой населенный пункт был взят сохоту. Пленные безразлично, туго смотрели на все происходившее. Не видно ни одного жителя, словно чужа пришла и выкосила все живое. Асфальт вывел нас на лавки, на высо-та. Под теплым весенним солнцем, да легко позавит, подернутый пожара-ми и жареном испарений, раскиснувши по площадке безмолвный лес. Но мы-то, знаем, какой он «безмолвный». Там по лесным дорогам спешат колонны не-хоты, артиллерия, танки, обозы, меди-санбаты. Все движется за нами на за-пад. Вышли на оперативный простор: повеселели солдаты, теперь вперед без-перешлики. Немцы уходят, бросая во-енную технику, обозы и даже «коро-левские тигры», а один из них в какой-

важные целыми орудия Левина. Из-бота с винтовкой он выскользнул олюк-ший, но без единой парашюта. Не до-бившись успеха, батальон обошел село тепных глубоких окопов. У встречного-вой дороги в лесу обнаружен подзем-ный городок, где брошено военное имущество. Ночь, идем по асфальту: вперед походная застава, по боям десорные капитаны Обинов бежен-цев, объясняем им, чтобы возвраща-лись домой. Клима Гитлера и Гейбель-са, они поворачивают назад, повозки, ручные тележки. Сбивая заставы, идем дальше, а за нами идут другие подразделения пота. Справа, далеко за этой линией, от бомбовых ударов полыхают весь горизонт. Вперед за-перевалом село, куда отошли немцы, и отступил сильный палат и раненые моторов. Пропустив колонну, и пришел на помощь Овчинников, чтобы пере-обуться, да покурить в рукав. На по-полках лежат минометы, скатки ин-женер, чужды бойцам идти нечего и комманданто при необходимости расхля-вать минометы. Канал от этого ка-хорошоного дыма. Овчинников опять проговорил, как он случает по семье. Над нами низко летают самолеты, кото-рые наши «экзотические». Вперед по-шли, нам пожелать: — слышу дождь-ный голос Овчинникова. Но вот над нами повисли парашюта ракет и много колони захватили парашюта метких боев или гранат. Сопливы с лисами кону-лись в стороны, а сосочил с Овчин-никовым с повозки. Сразу же ракет на асфальте ступилась не то бомба, не то граната, не разорвал. Я на миг замкнулся, жидкой предостанов, в каком виде я расстанусь через се-кунды с жизнью, но взрыва не при-изошло, ухатилась она под откос. Впе-ред продолжат сверкать разрывы.

25 апреля С утра ранней зарей по будиль-нику тухо заступили солдатские са-поги, полковы лопатки, да звонки не-ребор холке бестарок. Лавк ушел ин-ред в отступивший на дороге туман. Сладкий сон на заре, радость любви, спокойная, теплая земля — не для нас. Здесь, наержанской земле, не встре-

пеш один извод из боях с артиллерией представлять к награде: заслужили давно. Утром, минув взрывной мост, мы устремились к небольшому про-мышленному городку с множеством труба-натип работавших заводиче в живую укрываться в каких-то железных. На дороге осталась несколько повозок, да убитых бойцов и лошадей.

Сейчас будет дан сигнал и начнется атака. Из-за города тухо заступали артиллерийские выстрелы и сразу же, заветан фонтаны старой земли, вк-рнут нас захватили разрывы. Я упал и спрянул голову под обнаженный вре-менем корень дряхлой сухой березы. Все заводское плотным дымом, а на спину шлепается сверху грязь. Рядом урчат осканки. В мелкую пелю, на-исненную железей, сползнулся ре-рвал, а выключили выключили разлом. Ка-верзнев остался без укрытия и при-лег в пяти метрах от меня. Только было приподнялись — еще летит креп-че прежнего. Опять, мой голова скри-даль в горле, зато все остальное на-поверхности и, кажется, вот-вот во-пнется в спину и забросит твою погря-ха на эти старые, обломанные ветки. Посыпалась стон, крики Овчинва и схватившись за грудь, мадор Кавер-знев перевернулся на спину. Обстрел оборвался, несколько человек подо-чали к нему. Он повел мутным взгля-дом, попытался обстрелять гуд-ми, магнувшись, мелко вздрогивал, атак. Ракетница, из которой он на-мерялся дать сигнал атаки, была крепко заката в руке. Он никак не говорил о смерти и был уверен, что увидит День Победы своими глазами, бросил на это покое право — отступив от западной границы в 41-ом и наступ-пал обратно до сажого Берлина. А те-перь, укрывшись в его окопчике, в сопротивлении адыоталити, провал-даль между боковых кочек, скрив-ся в тыл. Этот артиллерийский налет был последним для нашего старика Овчинникова. Но ни скорбеть, ни по-хоронить нет времени, надо кончать войну.

На снимке: Встреча боевых друзей 9 мая 1950 г.

(Из фронтовых дневников
ветерана войны
Геннадия Борисовича ЧЕРЕПАНОВА.)

14 апреля 1945 года. До Берлина — 60 километров. Как жегали мы в трагическом и героическом 1941 году об этом времени, когда бедные солдатские ноги приведут нас к столице врага. Уединившись в эту ночь, чтобы сделать запись в дневнике, я написал стихотворение. Вот последнее четверостишие из него:

...Прощай, родная сторона,
Пойду дорогой опаленной.
Вновь, вновь горького вина
Из чаши, кровью обгорелой.

Через переправы Одера, под прикритием ночей, зенитной и дальнобойной артиллерии, плацдарм налаживается подвигами техников и другими видами вооружения и живой силой. По всей северо-западной окраине села Великау, вдоль железнодорожного полотна, в глубоких траншеях переднего края, в ходах сообщения, зарезанных улицей, дворах и переулках, идет кропотливая фронтовая работа.

На передовую в роту слепшат со свинью, рацонию, стеготрубками командиром, корректировщиком от артиллеристов, минометчиков, танкистов, летчиков. В движении все, вплоть до похоронных команд, постоянных спутников войны. За передним краем, карята стариками, словно острей бритвы, протянулась нейтральная полоса. За ней, от ста и до трехсот метров, но опушке леса, опутанной высотой, за колочкой проволочной и минными полями, тревожно притаилась оборона врага. В каменном неприступном снерядном здании бывшей школы идет партизанное собрание. Командир полка Герой Советского Союза Локтионов выступил с краткой речью.

В конце собрания выступил заместитель командира полка по политическим майор Шацман. Было физически опусто, как актин дыхания, коммунисты слушают страстную речь своего комиссара. Низке среднего роста, стройный, с проседью в волосах, с прищипом, взором умных, уставших глаз, от взаимной присутствующих неограниченную веру в нашу победу...

16 апреля 1945 года. Время медленно ползет к рассвету. Каждый день считаем по минутам. Каждый день...

ПОСЛАБЕДНИЙ РУБЕЖ

муках наши соотечественники. От переправы через Одер, что в шести километрах, и ближе являлись орудия РС, минометы всех калибров. Всюду заскрипало, загрохотало, артиллерийское наступление началось.

"Огонь!" — и наши минометы встали в общий гул. Могутой рея сохот стволы заглушил все. От этой "музыкальной" радости перешошит душу. Великая слава русскому оружию и советскому солдату-освободителю! Слушай ты, фашистская сволочь, и мы, самолюбивые "аристы"! Вы послали, не задумываясь, своих сыновей убивать наш народ! Трепещите, тираны народов, мы идем к вам за раскладкой. Вы помните стонки заживо погребенных вами многих тысяч советских людей? Вы не забыли те шурфы и колоды, куда живьем, на глазах у священных матерей, бросали и сбрасывали...

денки большого села Мольрозе, что в семи километрах, немцы заградительным огнем остановили нас. В этот день и всю ночь, с помощью авиации, немцы не дали нам захватить село. Два дня назад штабная рота из 170 человек, ночью, без артиллерии, прорвалась и захватила восточную часть села, но не поддержавшая атакой наших стрелков, без боеприпасов, рота погибла в неравном бою.

17 апреля 1945 года. На рассвете, после нашего огненного калета и безуспешной атаки, по песчаной лесной дорожке полк ушел за три километра вправо и атакую над лесной низиной, сквозь высокие столбы деревьев, встретил нас из-за канала Одер-Шпрее, застроили пулеметы врага. Затеменевый прибрежный лесок, заселенный в ботой, несет свой войды кавал. Много-

средств, пахнут всю низину. А у меня уже без батальона недалеко в лесу, ну думаю, пошли, а оно не тут-то было" — и он быстро побежал к обозу. Связь оборвалась, и я послал связиста по пути. Вдруг из тьмы, перемалывая злом, вынырнул Иван Фетисов. С Курской битвы 43 года мы с ним в боях и в любой даже преисполненной обстановке он ухитрился шутить, а здесь, что-то стик "В чем дело, Иван?" — спросил его. Еще отдышавшись, он сказал: "Убито командира роты. Налет накрыл всех офицеров. Сейчас его принесут". Обстрел ослаб, и сразу же из серого марева показались бочки и поставили постыли между минометами. В лесном зыбке командира видно еще заметное отверстие от осколка.

В подвалежном состоянии мы сидели над Алексеем Никоноровичем Казенновым. Легкое дыхание воздуха слабо перебирает его русые волосы. Расселен дым, и яркое солнце, казаясь, бросило всю свою зажигательную силу только сюда, чтобы заставить снова биться горячее сердце. Но оно молчит. На тридцать первом году жизни это замечательное сердце остановилось по всей жизни на Земле. Всего несколько дней он не дождал Победы. Он был хороним командиром, честным товарищем и доблестным воином.

Но нет даже времени скорбеть и похоронить тебя, командир, и все равно с почетным. Надо спрятаться и жетить за тебя, за товарищом, наших вчера и сегодня. Смерть твою принесет тридцать горе в семью. Я вынул из кармана гимнастерки документ, Фетисов снял орден и гвардейский значок. Едовыте узнали его за Одер на кладбище. Остава Александр Хатущева старшим на отной, а с Фетисовым постелил на канал к нашим связистам.

Смоленцев лежал с трубкой в руке под насылью и звонил на огневую.

— Коля, Казеннова убило, — говорю ему.

— Знаю, сам чудом уцелел в этом налете. Сейчас наши батальоны под руководством майора Каверзнева будут форсировать канал, видешь, по берегу нагнаны лоси, брениа, а у меня мин нет, еще не подвезли, — говорит он. — Пулеметы надо срочно подавить. Давай из твоих! — азартно, как обычно скороговоркой, выдохнул он. — Сидят здесь автоматчики, гранатометчики и снайперы, ну прямо ходу не дают, — и он вы-

...он охватывает... после артобстрота... Природа, часто там не сходится с делом, и сорридикс и немецкой оброне могут быть неспешно. Нам известно не только подтверждать огнем продвижение батальона, но и стараться сохранить людей, а иначе какой ты к черту командир. Не менее важно обеспечить боеприпасами. Ведь как выстрели, так улетит три километра, а миниметр может выстрелить в минуту не менее 20 раз. Поэтому всегда напускаем, как можно, несли до 40-50 килограммов, но-за этого не весит может быть миниметр. Вперед и 4-5 километра канал Одер-Шпрее. А как будет там? После обеда адресован, кто в подвале, кто в окопе у командира, кем-нибудь мои боевые друзья. Вот и увы хратовичского задает жандарми, безропозный, находчивый соржик Малая из Удмурты. Как находчив неименит, он моментально находит миниметр по заданной линии. Когда приходится франшизировать, в этом же расчете есть, судорожный солдат, а так дело доходит до порочного боя, от торжества. Вот сидит батальон, не раз поочередно сдвигают канал "Курские солонки". Малая Виталий и Дмитрий Завякин. Малая "Хомлово жандарм", о чем-то переговоры-вается. Много раз за эти дни воевал приходилось, из пороховый заряд перед боем, война идет к концу и этот процесс для любого может стать последним.

Горюхи, ну, как пролетают ступи до-рон и сорок "Скорю для будет с чего э-реть", - сбрасывал командир, замес-лиги старший сержант Василий Иллари-вич Сидоров. И вот замурмант телефон и, принимая команду, я слышу: "К бою". Через минуту послышалась команда о готовности расчетов. Мысленно мы уже там, за ступи десанта массивами, за каналом, за Эссенодерским выстрелом.

Много пробовали командир вандо связи батальона Гвария Низкотова Вух-ша, родом из Есенинков "Привет батальончикам! Ни духа вам!" - и слышался за близкашник раздалажи. Спра-ва от Франкфурта, что в семидесятых километрах, понеслась гужах мототри-ба. И движется, и ежится душа. Все кричат "Ура!". Сторей был тула, где еще страдалот в лагерях в нечеловеческих

до краев, каменных, беспомощных, крепких, зовущих на помощь, мать, детей? Будь ты на веки простят, фе-лиси!

От ступиного гужа к твердым раз-рылом былин огневой, от соржикате-ни немецкой артиллерии раздалажиот-ся душа, но разрывов не слышно, а только видно большие, темные "три-ба". Словоз красную карманную паль-деска за нашей ступи Шума репонила давит на перепонки и отдается в тело не разлогожески металл-печески знопом, "Молотка" идет уже второй час, да-рошени по негдам минь, передика ко-манда "на выдохе". Маневрирует по-ра-рылом, нагруженные до предела, триерываюся за домик, мы гужаком выдвигаюся на передний фронт.

И вот над траншеями понеслась про-тинская, влетела команда: "За бой-ну, в атаку, вперед!". Соржикоме роты дивизии двинулись, на правеего обо-роту "За мной!" - крикнул командир роты. Мы с миниметром кинулись ин-ред. Навстречу с франком стрелок уда-ловинно пулемета, но неши ругает минь и ширится врага. Соррей, соррей, спасение только в немецких транше-ях, отсюда еще продолжается строчить автоматом. Перед траншеей массивно протополнехотных мин, замидиокаст в окислятой жерне. Несколько бойцов по-дорываюся на минь. Минь, как ин-жески гужаком, выдвигаются на вы-диг Ругует граната, трещит автоматом, опущается траншея, стрелком по негда-калорим женеу дорываюся, разво уда-риваюся солдатки.

Синьки на шесте мин режет плечо, но это не беда. Вдурт же-то закричал: "Братцы! А ведь жод с бабкам подем!". И в самок жеме, в траншею лежало не-столько убитых женщин в немецкой форме. Потом вылезли от изоника, что пружа нас охраняли женской ба-тиной. Немецки на то, что справа про-должали стрелокоты, автомата, цель дайте по жесу. По неграальной поло-се, где лежат негдам наших раненых и убитых воинов, белут подразделения стрелков на походь атакующими. Перед второй укрепленной позицией в награв-

зачники второго батальона Смоленские-за расередоточиваюся здесь же.

Смоленские! А вы что здесь? На-зад! Готовые миниметра к стрельбе! - И командир Казарнев ушел по цели.

Казарнев Казарнев говорит: "Что же это был? Прорвался сюда и безответств-ея Артиллерия по тому берегу стре-зять нельзя: сошла минь, можно соз-дих поразить. А мы их сейчас огулом вы-курим...". С перископом в руке, сугубым ему раеториньке Ивонко Феликсоним, он полетел зримо шестки, чтобы засесть от-неске учить врага. Малометражи Смолен-пота так же двинули отнее рудом с лавой. Наши ездовые здесь же свалили виньки с минами и уехали за повозки.

Попытки форсировать канал сохоту, без миниметром подтвердят, результа-том не дали. На плоты из бревен оформ-дываюся шестки ости. Уже не один воин мертвым улетел по течению или ул-куют в берг.

Зачем так укрепляют сушаме солонки, подернутой ости пороховом дымом и туманом, познанный жеской экипом-тот, стоег похитый жеской экипоме жолотой жес. Тископо интрукционими гивают над нами экардриваю, позгон бохбардировщиком, и по уривеским татам сваливают их бомбовые удары. "Фронтальный фантом", - пересказываюлет бойцы. В это время командир нашего батальона прямо да брусстерож собрал офицеров и поставил задачу на штурм канала. Из-за жеса, из-за гужа интрукционной обороны, с противником батальон реном послышался настр-елки неспешиваюных миниметром и артил-лерии немцев. Сразу же вел юганина у каналы в джухсах метрах от нас, где расередоточились батальоны, позонуда по бараме гужаю, соржик разрывов, как раз протина нас, где были соржик офи-церы нашего батальона. Выше вершин жес шугатаюся гужаю, темным соржиком. Близки огневой также наорываюся, не-сколько стариков, бойникая песон и пыль. Мы укрываемся в отрытых шес-лах жема, и окопник нас не нормикают. Ловата у солдата - это также же ору-дье как и автомат, жесгда зашдигит от тула, окопник твою жема. Ко мне в шесль свалился новый старшина бата-льона Платов. "Смотри, что делаем, от-куда они толпатакают ступиного огневых

...некоторые пожелают на меня, на осоз-ноту миниметра Вяжанина, третий хи-ной поразити пулемет, а затем мы из всех миниметров открыли белый огонь, уцелили по тылам. Роты с десантами и лю-тальми бешулись к воде и, предодояв ла-наю, вступили в ближний бой. "Товарищ лейтенант, минь поджегли!" - крикнул свистит Смоленцеву. - "Живем!" - отор-по крикнул Коля и тоже дал команду своим на прочеему лесу за каналом. По-писли Казарнев и крикнул: "А ну-ка, ребята, прочеидте лес на той стороне и быстро за мной!" - и перебежал по лескам на другую сторону канала. Сю-ва ожил пулемет и жарит яюль, каната по перебегаюшим нашим бойцам.

Вот ид, не дает опять ходу, - кри-чит Коля.

И даю команду на доворот, и минь ударился в лед. "Ага, полдец, замол-чал", - и он приподнялся над бруствер-ом, чтобы посмотреть этот стрельбаю. Вдурт, съездиваюся, обменяв руками за лезою, Смоленцев окатился с насими. Я приподнял его лезою, лези попал и жод. Я снова увидел длинную танкеткую копичку еще одного жесого друта, но-на, командунета. Его губы дрожили. Он пытался что-то сказать... У меня из-за жатаюти слезы, обильные, горячие, со-ледые, безудержные. Рядом плакали наши солдаты. Не выдержало на шугу ряд мое сердце, вышло оно, заболело от горя, от жести, от жолот жабды, хо-телось кричать на всю Первуюю. Вот шол насылаю легкая наша мерзавца бо-цы и офицеры. Вот и у жема на руках жеской мой боевой друт, жесжет, слов-но стит, с черным от пыли и дыма кру-дык жиско, на котором застыло удив-ление. Отыриваюся в ярих ступах сон-ца, на его груди торят два ожедык ор-дежа и медаль "За отвагу", а также три знака о ранениях. А огу, как мне, по-шел только двадцать третий год.

Скорю конец мужчанам. Люди будут встречать родных с фужа. Все будут радостны, в кого же встретят твои отец и мать? Подбежал Игорь. Долов-ов, как наскоро простетились и двое сох-дят, подкастят косячки, унесли Смолен-цею, чтобы сдать похоронной командо-лицы, чтобы сдать похоронной командо-лицы. На снимке: май 1945 года. Слева Г.Б. Черепанов.

(Продолжение следует.)

Пятница, 23 мая 2003 года

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Окончание. Нач. в № 21.

(Из фронтовых дневников
ветерана войны
Геннадия Борисовича ЧЕРЕПАНОВА.)

Наконец в этом горящем лесу немцы стали с белыми флагами сдаваться целыми батальонами. Над городом несутся наши истребители, огнем из пулеметов вразумляя немцев. За эти бои сильно ослабла наша минометная рота. Вошедшие в город танки помогли выкурить из города врага. По улице невозможно свободно пробраться, особенно по площади, которая до отказа загромождена брошенным оружием, повозками, пушками и другим имуществом. Расчищая дорогу, танки подминают все под свое стальное "брюхо" и устремляются дальше по асфальтированной дороге на Берлин. Всюду лежат сотни расплюснутых трупов людей, лошадей, скота. У моста особенно кошмарная картина, где поработали наши безотказные в бою минометы. На этом кровавом месте из раздавленных трупов вместе с ящиками масла, мармелада, консервами, патронами, буксуют машины. Кое-где видны солдатские и офицерские погоны, кресты и другие награды с восточного фронта. Все это гитлеровское воинство, здесь в Германии, постигло возмездие еще более суровое, чем там, на востоке. Покидая Вендиш-Бухгольц, мы прошли у моста по зыбкому мясному фаршу.

Захвачен штаб соединения вместе с генералом. Когда генералу сказали, что бои идут у рейхстага, он ответил, что это русская пропаганда и что Берлин никогда не будет сдан. 9-ая немецкая армия здесь перестала существовать. 30 апреля 1945 года на танках и автомашинах полк выехал по асфальту южнее Берлина к Эльбе в район города Дессау. Германия представляет собой потревоженный муравейник: одни бегут на запад, другие тянутся на восток в ужасе перед "азиатами" к своему брошенному гнезду, кляня Гитлера. А третьи — в плен, восстанавливать разрушенные страны, четвертые — из неволи домой.

1 мая. К нам в роту пришли девушки

из медсанбата и мы, приготовив, провели роскошный обед с танцами. Приглаживая лысину, Клочков шутит: «Конец войны скоро, торопитесь выбирать женихов, девчата, ребята у нас отменные, не прогадаете!» Все весело хохочут. Много славных дочерей Отечества во всех землях лежат в обширных братских могилах вместе со своими братьями по Родине, по оружию, по духу, по цели. Окончится эта война, пусть и о них, этих неутомимых подругах, поэты сложат лучшие песни. Пусть лучший памятник в мире будет воздвигнут им где-нибудь на видном месте нашей столицы. Они, эти славные сестры милосердия, его давно заслужили.

Как мало осталось ветеранов-минометчиков, с которыми я прошел с Курско-Орловской дуги, через многие водные преграды: бывалые и рассудительные Визгалин и Клочков, острый на язык Дмитрий Звягинцев, быстрый в словах и движениях Коля Волков, выносливый и безропотный Малых, отчаянный Коля Абрамов, трудолюбивый казах Камалов.

Сколько же мы потеряли ребят! Вечером этого дня командиров подразделений вызвали в штаб полка, где я так же увидел командира дивизии генерал-лейтенанта Михаила Александровича Еньшина. На его груди уже была Звезда Героя и вместе с другими, семь орденов Боевого Красного Знамени. Это рекорд. Получив задачу на завтрашний день, я вернулся в свою роту.

2 мая 1945 года. Еще затемно был выстроен полк для движения и здесь мы услышали о капитуляции Германии. Гробовая тишина повисла над строем и вдруг, в сопровождении автоматного огня и ракет, вверх, как бы выдохнулось непринужденное, радостное, могучее "Ура!" При свете осветительных ракет воины обнимались, целовались и плакали, как маленькие дети. Выхватывая у темноты небольшой кусочек дня, над черепичными крышами домов, где таится тревога и ненависть, шипят ракеты. В 12-ти километрах река Эльба, на берегу которой в это утро мы заняли последний рубеж в Великой Отечественной войне.

20 апреля 2003 года.
г. Шемонаиха.